

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН

Дж. Р. Р.
ТОЛКИН

СКАЗКИ
ВОЛШЕБНОЙ
СТРАНЫ

Иллюстрации АЛАНА ЛИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44
Т52

Серия «Толкин — творец Средиземья»

J.R.R. Tolkien
TALES FROM THE PERILOUS REALM

Перевод с английского

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Ltd.
и литературного агенства Andrew Nurnberg.

Толкин, Джон Рональд Руэл.

Т52 Сказки Волшебной страны (с илл. Алана Ли) / Джон Р. Р. Толкин ;
[перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. —
416 с. — (Толкин — творец Средиземья).

ISBN 978-5-17-085759-3

Джон Р. Р. Толкин — один из родоначальников жанра фэнтези, автор знаменитой трилогии «Властелин Колец». Вселенная Средиземья, описанная Толкиным в романах, получила гармоничное продолжение в малой прозе и стихотворениях, включенных в этот сборник.

Цикл «Стихи из Алой книги» повествует о приключениях Тома Бомбадила, известного персонажа «Хоббита», а также знакомит читателя с волшебным миром Средиземья: с гномами, троллями, эльфами и прочими странными созданиями — персонажами легенд Старой Англии, которых гений Толкина наделяет романтическими и комическими чертами.

Также в сборник вошла замечательная повесть-сказка «Роверандом», написанная Джоном Р. Р. Толкиным для его детей в 1925 году. После успеха «Хоббита», в 1937 году, она была подготовлена к печати, однако увидела свет лишь в 1998 году, когда автора уже не было в живых.

УДК 821.111-313.2
ББК 84(4Вел)-44

© The J.R.R. Tolkien Copyrights Trust, 1949, 1962
© The Tolkien Trust, 1964, 1967, 1998
© Tom Shippey, 2008
© Alan Lee, 2024
© Перевод. О. Степашкина, 2024
© Предисловие, перевод и перевод стихов. С. Лихачева, 2025
© Перевод. Н. Шантьер, 2024
© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Содержание

Предисловие	9
Роверандом	29
Фермер Джайлз из Хэма	127
«Приключения Тома Бомбадила» и другие стихотворения из «Алой книги»	197
Кузнец из Большого Вуттона	259
Лист работы Ниггля	297
ПРИЛОЖЕНИЕ	327
О волшебных сказках	329
Послесловие	412

Фаэри — край опасный, есть там и ловушки для неосторожных, и темницы для чрезмерно дерзких <...>. Царство волшебной сказки обширно, глубоко и высоко, и много чем изобильно: водятся там всевозможные птицы и звери, есть там безбрежные моря и бессчетные звезды, зачаровывающая красота и вездесущее зло; радость и скорбь, острые, как мечи. Забредший в это царство, пожалуй, и вправе почитать себя счастливецem — но изобилие и необычайность увиденного сковывают язык путника, что тщится о нем поведать. А пока он там, не след ему задавать слишком много вопросов, а то ворота, чего доброго, захлопнутся и ключи потеряются.

*Дж. Р. Р. Толкин**

* Отрывок из лекции «О волшебных сказках», прочитанной 8 марта 1939 г. Полный текст приводится в конце настоящей книги.

Предисловие

Мы не знаем, когда именно Толкин впервые обратился мыслями к Волшебной стране — к Опасному королевству Фаэри. В своем эссе «О волшебных сказках», приведенном в конце настоящей книги, он признается, что в детстве не слишком-то интересовался историями такого рода: помимо волшебных сказок ему нравилось еще много чего другого. «Истинный вкус» к ним «пробудила филология на пороге взросления; оживила и стимулировала его война». По всей видимости, это так и есть. Первое известное нам произведение Толкина, в котором проявился интерес к фэйри, это стихотворение под названием «Солнечный лес», написанное в 1910 году, когда Толкину было восемнадцать и он все еще учился в бирмингемской школе короля Эдуарда. К концу 1915 года, когда Толкин окончил Оксфордский университет и тотчас же вступил в армию, дабы сражаться в Великой войне, он сочинил еще несколько стихотворений: некоторые из них содержали ключевые элементы его будущей подробно разработанной мифологии Фаэри. А к концу 1917 года, в течение которого Толкин либо находился в военном госпитале, либо ждал, чтобы врачи признали его годным к воинской службе, он написал первый вариант сказаний, что спустя шестьдесят лет будут опубликованы в составе

«Сильмариллиона», и Средиземье, равно как и Эльфийский дом за его пределами, в воображении автора обрели отчетливую форму.

Что было дальше — это долгая история, и сегодня мы знаем о ней куда больше, нежели прежде; но некогда сам Толкин подытожил ее сжато и выразительно в притче «Лист работы Ниггля». Принято считать, что произведение это во многом автобиографично, и Толкин-писатель — неисправимый «ерундист»*, как уверял он сам, — изобразил самого себя в образе Ниггля-художника. Ниггль, как рассказывается в притче, работал над множеством разных картин, но одна из них все больше поглощала его внимание. Сперва художник нарисовал отдельный лист, а затем — дерево; обычное дерево стало великим Древом; позади него в просветах между ветвями постепенно проступала целая страна, «леса, уходящие за горизонт, и горы, увенчанные снегом». Ниггль, как пишет Толкин, «утратил интерес к прочим своим полотнам. А часть из них просто взял и прикрепил к краям главной картины».

И снова перед нами — довольно точное описание того, чем Толкин занимался в 1920-х, 1930-х и 1940-х гг. В течение этих тридцати лет он продолжал работу над вариантами сюжетов «Сильмариллиона», время от времени сочинял и стихи (иногда даже не указывая авторство), придумывал и другие истории, не всегда их записывал и в ряде случаев поначалу рассказывал их только своим детям. Так возник и «Хоббит»: действие сказки происходило в Средиземье, но эльфийской истории Сильмарилей она касалась лишь мимо-

* Говорящее имя «Ниггль» образовано от английского глагола to piddle — заниматься ерундой, размениваться на мелочи, дотошно и придирчиво возиться с мелкими деталями. В письме № 236 Толкин называет себя «niggler by nature» — прирожденным «ерундистом». — *Примеч. пер.*

ходом; если воспользоваться современным термином, это был спин-офф — ответвление от основного сюжета. Следующим таким ответвлением, теперь уже от «Хоббита», стал «Властелин Колец»: толчком к его написанию послужило то, что издатель настойчиво требовал продолжения к «Хоббиту». А Толкин, в точности как Ниггль, стал брать написанное прежде и «прикреплять к краям главной картины». Том Бомбадил, возникший как имя для детской игрушки, в 1934 году проник в печать в качестве главного героя длинного стихотворения, а затем стал, пожалуй, самой загадочной фигурой в мире «Властелина Колец». В эту грандиозную эпопею оказались втянуты и другие стихи: и шуточные, как «Олифант» Сэма Гэмджи, впервые опубликованный в 1927 году, и торжественные и печальные, такие, как стихотворный вариант сказания о Берене и Лутиэн, спетый Бродяжником на Непогодной вершине: его текст, в свою очередь, восходит к стихотворению, опубликованному в 1925 году, и основан на истории, написанной еще раньше.

Что именно явилось первоначальным «листом» толкиновского вдохновения и что он разумел под «Деревом», мы доподлинно не знаем, хотя «леса, уходящие за горизонт», пожалуй, наводят на мысль об энтах. Но эта небольшая аллегория лишний раз подтверждает мысль, высказанную Толкином в другом месте, а именно: «волшебные сказки», кто бы их ни рассказывал, они не столько о фэйри, сколько о Фаэри, то есть о Волшебной стране как таковой, об Опасном крае. Действительно, Толкин утверждал, что на самом деле существует не так уж много историй *про* фэйри или даже про эльфов, и подавляющая их часть — скромность не позволяла ему уточнить: «кроме тех, которые написаны самим Толкином», — не особо интересна. Большинство действительно хороших волшебных сказок посвящены «приключе-

ниями людей в Опасной Стране либо на ее сумеречных границах». И снова это — очень точное описание толкиновских сказаний о Берене на границах Дориата, о Турине, который сражается с вражескими отрядами в окрестностях Нарготронда, или о Туоре, который спасается бегством из разоренного Гондолина. К понятию «фэйри» Толкин относился крайне неоднозначно. Само слово *fairy* [фэйри] он терпеть не мог как французское заимствование — ведь наряду с ним существует английское слово *elf* [эльф]; и не выносил викторианский культ феечек — миниатюрных, прелестных, беспомощных созданий, зачастую насквозь фальшивых, — которых так охотно задействовали в назидательных сказочках для детей. Действительно, эссе «О волшебных сказках» (текст лекции, прочитанной в 1939 году в честь Эндрю Лэнга, собирателя волшебных сказок, в расширенном виде был опубликован в 1945 году в составе сборника, посвященного памяти Чарльза Уильямса) ставит целью поправить научную терминологию и улучшить вкусы широкой публики. Толкин считал, что разбирается в вопросе куда лучше и имеет дело с более древними, глубинными и важными смыслами, нежели были известны викторианцам, даже таким эрудированным, как Эндрю Лэнг.

Но даже если Толкин не жаловал фэйри, он был всем сердцем предан Фаэри, стране «драконов, да гоблинов, да великанов», где, по словам Бильбо Бэггинса, можно послушать «про спасенных принцесс да про удачливых сыновей вдовы». Сказки и стихотворения, вошедшие в эту книгу — многоплановые, самобытные, независимые — показывают, как Толкин опробует разные подходы к тем или иным волшебным землям. Это, по сути дела, те самые полотна, которые Ниггль *не* «прикрепил к краям главной картины». Они интригующе намекают на направления, которые можно

было бы разработать подробнее: такова, например, поздняя ненаписанная история Малого Королевства фермера Джайлза. Эти произведения позволяют нам взглянуть под совершенно иным ракурсом на толкиновское воображение в контексте целого периода, растянутого по меньшей мере на сорок лет, от зрелости и до старости. Кроме того, так уж вышло, мы хорошо знаем, как возникла каждая из этих историй.

Сказка «Роверандом», увидевшая свет только в 1998 году, была придумана более чем семьдесятю годами раньше с одной-единственной конкретной целью: утешить маленького мальчика, потерявшего игрушечную собачку. В сентябре 1925 года семья Толкинов, отец, мать и трое сыновей, Джон (в возрасте восьми лет), Майкл (в возрасте пяти лет) и малыш Кристофер поехали на отдых в приморский городок Файли в Йоркшире. На тот момент Майкл души не чаял в своей игрушечной собачке и повсюду таскал ее с собой. Он, его отец и старший брат отправились на пляж; отвлекшись на игру, Майкл положил собачку на камешки, но когда за ней вернулись, то уже не нашли: собачка была белая, с черными пятнышками, и высмотреть ее на белом галечном взморье так и не удалось. Отец с детьми обшарили весь пляж, и в тот день, и на следующий, а потом на берег обрушился шторм и дальнейшие поиски стали невозможны. Чтобы утешить Майкла, Толкин придумал историю, в которой оловянный Ровер вовсе не игрушка, а настоящий песик, превращенный в игрушку рассерженным колдуном. Потом игрушечный пес встречается на пляже дружелюбного волшебника, и тот отправляет его в разные путешествия, чтобы тот смог снова стать настоящим псом и воссоединиться со своим былым хозяином, вторым из трех мальчиков. Как и все толкиновские

истории, эта разрасталась по мере рассказывания, была записана и дополнена несколькими иллюстрациями самого Толкина, вероятно, под Рождество 1927 года, и обрела законченную форму примерно тогда же, когда и «Хоббит», в 1936 году.

Помимо взморья в Файли, где Ровер встречает песчаного волшебника Псаматоса, в «Роверандоме» есть три основных места действия: светлая сторона Луны, где стоит башня Человека-на-Луне, темная сторона, куда спящие дети приходят по лунной дорожке поиграть в долине снов, и подводные владения морского царя, куда отправился сердитый колдун Артаксеркс, получив назначение на пост Пан-Атлантического и Тихоокеанского Мага, или ПАМа для краткости. На Луне и на дне моря Ровер подружился с лунным псом и с морским псом: обоих звали Роверами, поэтому ему пришлось взять себе имя Роверандом. Эти трое постоянно попадают в переделки, дразнят Великого Белого Дракона на Луне, пробуждают Морского Змея на дне океана, и тот, заворочавшись, вызывает шторм, подобный тому, что разметал гальку в Файли. А гигантский кит Юин как-то раз прокатил Роверандома за Моря Смутных Отражений и за пределы Островов Магии, откуда видна сама Прародина Эльфов и свет Фаэри — именно здесь Толкин ближе всего подошел к тому, чтобы присоединить и эту историю к своей масштабной мифологии. «Мне бы не поздоровилось, если бы нас заметили!» — заявляет Юин, поспешно ныряя; и больше мы ничего не узнаем о предполагаемом Валиноре.

Восклицание «Мне бы не поздоровилось!» прекрасно передает настрой этого раннего, шуточного произведения. Приключения песиков забавны, их «перевозчики» — чайка Мью и кит Юин — довольно безобидны, вот разве что немного важничают, и даже появляющиеся в повествовании

три волшебника вполне добродушны и не так уж и компетентны (если взять, например, Артаксеркса). Тем не менее, там есть намеки на пласты более древние, темные и глубокие. Великий Белый Дракон, которого песики дразнят на Луне — не кто иной, как Белый Дракон Англии из легенды о Мерлине, непрестанно воюющий с Красным Драконом Уэльса; Морской Змей напоминает Змея Мидгарда, который убьет Тора в день Рагнарека; морской песик Ровер вспоминает своего хозяина-викинга, который очень похож на знаменитого короля Олава Трюггвасона. «Роверандом» вобрал в себя и миф, и легенды, и историю. Не забывал Толкин и о том, что в Опасном краю должны быть какие-никакие опасности — даже в сказке для детей. На темной стороне Луны водятся черные пауки, а также и серые, готовые замариновать маленькую собачку и утащить в свою кладовку, а на светлой стороне обитают «очень коварные мухи-меченосцы... стеклянные жуки с челюстями наподобие стальных капканов; и бледные единорожки с жалом, разящим, словно копье... и самые ужасные из всех лунных насекомых — летучие тенемыши». Не говоря уж о том, что на обратном пути из долины, в которую дети попадают во сне, «в трясиных» таилось «множество премерзких, наводящих ужас существ», которые, если бы не защита Жителя Луны, «мгновенно бы сцапали нашего песика». Еще есть морские гоблины, и целый список бедствий, вызванных Артаксерксом, который выбросил в мусор все свои заклинания. Толкин уже успел оценить эффект намек и недоговоренности — впечатление от историй, которые так и остались нерасказанными, от существ и сил (таких, как Некромант в «Хоббите»), которые только маячат на границе поля зрения. Вопреки логике, время, затраченное на мелкие детали, даже когда они ни к чему не ведут, это не просто «пустая возня» в духе Нигглы.